На правах рукописи

ЯВИД ЯРОСЛАВ АЛЕКСЕЕВИЧ

ПРАВОВАЯ ИНФИЛЬТРАЦИЯ НОРМ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В ОБЛАСТИ ОХРАНЫ ОБЪЕКТОВ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ

Научная специальность 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени

кандидата юридических наук

Санкт-Петербург, 2025

Работа выполнена на кафедре теории и истории государства и права
Частного образовательного учреждения высшего
образования «Юридический институт»

Научный руководитель –	**Комаров Сергей Александрович** профессор кафедры теории и истории государства и права ЧОУ ВО «Юридический институт», доктор юридических наук, профессор
Официальные оппоненты:	**Прокопович Галина Алексеевна,** доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории и истории государства и права им. Г.В. Мальцева Института права и национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС),
	Белянская Ольга Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»
Ведущая организация:	ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет»

Защита состоится «19» декабря 2025 года в 15.00 часов на заседании Диссертационного совета 75.2.080.01 на базе Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» по адресу: 199106, г. Санкт-Петербург, ул. Гаванская, дом 3, зал заседаний Ученого совета.

С диссертацией можно ознакомиться на сайте ВАКа, в библиотеке и сайте Частного образовательного учреждения высшего образования «Юридический институт» (Санкт-Петербург) https://lawinst-spb.ru

Автореферат разослан «___» _____ 2025 года

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук, доцент Т.Л. Комарова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Проблематика приведения норм российского законодательства об охране объектов культурного наследия в соответствие с общепризнанными принципами и нормами актуальна, как в теоретическом, так и в практическом отношении. С теоретической точки зрения, данная тематика остается недостаточно разработанной в российской юридической науке и требует более пристального внимания не только со стороны академического сообщества, но и нуждается в надлежащем доктринальном обосновании.

С практической точки зрения, несовершенство действующего российского законодательства относительно регулирования вопросов охраны объектов культурного наследия, которые возникают в силу несоответствия положениям международного права и, соответственно, могут создавать проблемы в правоприменении, для преодоления которых требуется разработка соответствующих предложений и рекомендаций. Наряду с этим по-прежнему актуальными для российской юридической науки остаются вопросы, связанные с моделями соотношения международного и национального законодательства, а также способами приведения в соответствие норм национального права положениям международно-правового регулирования в той или иной сфере.

Правовая инфильтрация остается слабо изученной, хотя и весьма перспективной с практической точки зрения, областью взаимодействия международного и национального права. В части, касающейся вопроса анализа процесса правовой инфильтрации как самостоятельного предмета для научного исследования, заслуживает внимания диссертация Т.А. Мельниченко «Теоретические и нормативные основания правовой инфильтрации», до настоящего момента остающаяся единственным комплексным исследованием данного вопроса в теории государства и права. В диссертации осуществлен не только дефинитивный, теоретический и нормативный анализ процесса правовой инфильтрации, но и значимый для настоящего исследования анализ инфильтрации норм национального законодательства иностранных государств в правовую систему России, а также имплементации международных правовых актов в систему национального законодательства Российской Федерации.

В отраслевых дисциплинах можно найти диссертацию В.Н. Кохмана «Правовая инфильтрация норм международного права в уголовно-исполнительное законодательство Российской Федерации», в которой дано теоретическое обоснование категории «правовая инфильтрация» с позиции уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, раскрыты особенности соотношения современных правовых систем, а также рассмотрены проблемы взаимодействия российского уголовно-исполнительного законодательства с международно-правовыми стандартами в различных сферах обращения с заключёнными и осужденными лицами.

Будучи частью более широкого контекста проблемы взаимодействия международного права и российского законодательства, правовая

инфильтрация представляет собой значимый процесс проникновения (инвазии) положений международного права в систему национального правового регулирования охраны объектов культурного наследия. Научно-теоретическая разработка понятия и способов правовой инфильтрации норм международного права культурного наследия в российское законодательство, а также выявление проблем несоответствия между международным и российским правом в данной области с последовательной разработкой авторских предложений с целью их преодоления подчеркивают значимость и своевременность обращения к заявленной тематике.

Степень разработанности темы. В настоящее время вопросы нормативно-правового регулирования культурного наследия в контексте анализа взаимного процесса правовой инфильтрации общепризнанных принципов и норм международного права и норм российского законодательства остаются недостаточно разработанными. На уровне диссертационных исследований последних лет присутствует ряд значимых исследований в области международно-правовой охраны объектов культурного наследия. Так, диссертация Г.В. Алиевой «Международно-правовой режим охраны нематериального культурного наследия» посвящена анализу концептуальных и нормативных основ, на которых базируется действующий международно-правовой режим охраны нематериального культурного наследия. Среди вопросов, рассмотренных в этом исследовании, присутствует анализ влияния международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия на политику и законодательство государств (в компаративистском ключе), а также анализ возможностей охраны нематериального культурного наследия с помощью ресурсов международной правозащитной системы. Вместе с тем, поскольку в фокусе внимания автора диссертации, находились именно вопросы международно-правового регулирования, проблематика соответствия им положений российского законодательства затрагивалась лишь косвенно.

В диссертации И.О. Анисимова «Международно-правовая охрана объектов подводного культурного наследия» была поднята новая для российской юридической науки тематика правовой охраны культурно значимых объектов, находящихся под водой. Особенность данного исследования подчеркивается также тем обстоятельством, что автором исследованы вопросы соответствия организации охраны объектов подводного культурного наследия в Российской Федерации с международными стандартами. И.О. Анисимов подвергает анализу зарубежный опыт охраны подводных объектов культурного наследия, а также проблемы их охраны на территории Российской Федерации в основном с позиции дефинитивного несовершенства российского законодательства, регламентирующего данную сферу.

Данными работами исчерпывается круг диссертационных исследований в той или иной мере, затрагивающий проблематику несоответствия норм российского законодательства об охране объектов культурного наследия

положениям международного права. Иные диссертации по юридическим дисциплинам, посвященные вопросам охраны культурного наследия (О.М. Мартышевой[1], М.В. Алексеевой[2], М.А. Александровой[3]) ориентированы преимущественно на отраслевую составляющую охраны объектов культурного наследия.

Попытки восполнения пробелов в научно-теоретическом анализе вопросов взаимодействия международного права и российского законодательства в области охраны объектов культурного наследия предприняты также на уровне научных статей. Так, Е.В. Сусловым исследован вопрос о соотношении категорий российского публичного законодательства «зона охраны объекта культурного наследия» и «защитная зона объекта культурного наследия», и «буферная зона», используемой в международном праве[4]. Р.Ю. Батршин на конкретных примерах показывает взаимосвязь и взаимообусловленность российского и международного права при регулировании таких важных в современном мире направлений государственного регулирования, как охрана, развитие и распространение достижений науки и культуры[5].

Г.Г. Гольдиным и Л.О. Терновой рассмотрены законодательные инициативы, направленные на защиту объектов нематериального культурного наследия, а также проанализировано значение законов Российской Федерации в деле гармонизации национального законодательства и международного права[6].

Исходя из вышеизложенного, следует констатировать отсутствие диссертационных исследований, предметом которых является процесс правовой инфильтрации норм международного права в области охраны объектов культурного наследия. Объективная необходимость приведения норм российского законодательства в соответствие с положениями международного права об охране объектов культурного наследия подчеркивает своевременность и актуальность обращения к заявленной теме.

---

[1] Мартышева О.М. Уголовная ответственность за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия и культурных ценностей: дисс. ... канд. юрид. наук. Омск, 2015. 169 с.

[2] Алексеева М.В. Государственное управление в сфере охраны культурного наследия: дисс. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2007. 223 с.

[3] Александрова М.А. Гражданско-правовой режим культурных ценностей в Российской Федерации: дисс. ... канд. юрид. наук. СПб., 2007. 189 с.

[4] Суслов Е.В. Право Женевы и Гааги как институциональная основа сохранения мирового культурного наследия: теоретико-методологические аспекты // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. 2021. Т. 7. № 3 (27). С. 263-274.

[5] Батршин Р.Ю. Административно-юрисдикционная деятельность органов государственного управления в сфере культуры // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2019. № 5 (130). С. 56-63.

[6] Гольдин Г.Г., Терновая Л.О. Правовая защита нематериального культурного наследия: международные и национальные подходы // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2022. № 2 (65). С. 98.

Объектом исследования являются общественные отношения, возникающие в связи правовой инфильтрацией норм международного права в сфере охраны объектов культурного наследия в законодательство Российской Федерации.

Предметом исследования выступают нормы международного и российского права, регламентирующие вопросы охраны объектов культурного наследия; материалы правоприменительной практики, касающиеся охраны объектов культурного наследия; положения международно-правовой и российской юридической доктрины об охране объектов культурного наследия.

Целью исследования является изучение процесса правовой инфильтрации норм международного права в области охраны объектов культурного наследия в законодательство Российской Федерации; выявление проблем российского законодательства об охране культурного наследия в части несоответствия положениям международного права и разработка авторских рекомендаций с целью их преодоления. В соответствии с поставленной целью были решены следующие задачи:

– исследована эволюция международно-правового регулирования в области охраны объектов культурного наследия;

– определена роль концепции культурного наследия в международно-правовой и российской юридической доктрине;

– представлена правовая инфильтрация как форма взаимодействия международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия;

– выявлены проблемы в области приведения норм российского законодательства об охране культурного наследия в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права;

– исследован процесс правовой инфильтрации нормативных предписаний международного права культурного наследия в отраслевом российском законодательстве;

– определены пути совершенствования правового регулирования охраны и использования отдельных категорий объектов культурного наследия в контексте международного права.

Методология и методы исследования. Диссертационное исследование основывается на использовании трех основных методов юридической науки. Историко-правовой метод позволяет рассмотреть процесс исторического развития международного права культурного наследия. Сравнительно-правовой метод служит для определения сходств и различий международно-правового и национального режимов охраны объектов культурного наследия. Формально-юридический метод используется при анализе содержания правовых норм российского законодательства об охране объектов культурного наследия.

Диссертационное исследование основывается на применении общенаучных методов анализа, синтеза, а также индуктивно-дедуктивного метода. Анализ процесса правовой инфильтрации норм международного права

в области охраны объектов культурного наследия осуществлен с соблюдением принципа объективного научного исследования.

Научная новизна исследования заключается в полученных новых знаниях о правовой инфильтрации норм международного права в области охраны объектов культурного наследия, а также в расширении научного представления о качественной характеристике исследуемого вопроса. В диссертации комплексно раскрываются вопросы, связанные с проблемами взаимодействия международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия.

В научный оборот вводятся результаты теоретико-прикладного анализа коммуникации национальных и международных нормативно-правовых актов, касающихся проблем охраны объектов культурного наследия. Сформулировано понятие и определена роль концепции культурного наследия в международно-правовой и российской юридической доктрине.

Элементы новизны содержатся в предложенных основаниях, представляющих правовую инфильтрацию в качестве наиболее общей дескриптивной конструкции экзогенной инвазии правовых элементов в национальное законодательство. Правовую инфильтрацию предлагается рассматривать как совокупность международно-правовых и национальных механизмов реализации норм наднационального характера в правовой системе государства, посредством подчинения отдельных элементов национально-правового регулирования легитимному требованию международно-правового уровня.

В рамках исследования сформулированы рекомендации по совершенствованию российского законодательства в контексте приведения его норм в соответствие с положениями международного права об охране объектов культурного наследия.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Эволюция международно-правового регулирования в области охраны объектов культурного наследия на протяжении длительного периода времени осуществлялась в рамках общепризнанного «права победителя» на присвоение культурных ценностей побежденной стороны. Европоцентрический подход к регулированию охраны культурного наследия предполагал превосходство европейских метрополий над колониальными территориями, сохранение культурного наследия которых осуществлялось в рамках интересов колониальных держав. Подобные рамки международно-правового дискурса только лишь ограниченным образом способствовали охране объектов культурного наследия, допуская известные издержки и ограничения. Становление современного международно-правового режима охраны культурного наследия происходило в послевоенный период, характеризующийся процессом деколонизации и уравнения в правах новых деколонизированных государств и бывших метрополий.

2. Понятие культурного наследия в науке международного права и российской юридической доктрине трактуется неоднозначным образом в силу предельной общности понятия культуры как таковой, а также наличием комплекса близких по своему значению понятий культурных ценностей, объектов культурного наследия, исторического наследия, памятника культуры и прочее. Концептуализация культурного наследия предполагает поиск наиболее общего знаменателя для объединения в себе всех признаков этого понятия. Концепция наследия характеризуется тройным процессом расширения, а именно типолого-тематическим расширением, поскольку объекты, которые не входили в традиционную, хронологическую и географическую концепцию наследия, сегодня получили этот статус. Параллельно с этим процессом расширения изменились и критерии отбора культурного наследия: если первоначально единственными параметрами были историческая и художественная ценности, то теперь добавились и другие (культурная ценность, ценность самобытности и способность объекта взаимодействовать с исторической памятью общества).

3. Правовая инфильтрация выступает в качестве самостоятельной юридической конструкции, описывающей механизм проникновения (инвазии) элементов наднационального регулирования в национальное законодательство. Существуют достаточные основания рассматривать правовую инфильтрацию в качестве наиболее общей дескриптивной конструкции экзогенной инвазии правовых элементов в национальное законодательство.

Правовую инфильтрацию предлагается рассматривать как совокупность международно-правовых и национальных механизмов реализации норм наднационального характера в правовой системе государства, посредством подчинения отдельных элементов национально-правового регулирования легитимному требованию международно-правового уровня.

4. На пути совершенствования действующей системы законодательства об охране объектов культурного наследия можно обозначить следующие ключевые направления для активизации правотворческих усилий государства. От государства требуются усилия по исправлению существующего дисбаланса в законодательном регулировании охраны объектов культурного наследия, смещающего основной массив правовых норм в данной области на уровень подзаконного регулирования. Подзаконные акты часто содержат легальные дефиниции, которые не даются в законодательстве об охране культурного наследия, что свидетельствует об отсутствии воли законодателя к унификации терминологического аппарата в этой сфере, что, в свою очередь, порождает дефицит единообразной терминологии и не позволяет достичь желаемого эффекта в деле защиты объектов культурного наследия. Как следствие, от государства требуется унификация терминологического аппарата, используемого в разнообразных нормативно-правовых актах законодательства о культуре, градостроительного и земельного законодательства. Переход к общепринятой терминологии международного уровня, в частности использование понятия «буферная зона» и «план управления объектом культурного

наследия», является предпочтительным шагом на пути совершенствования законодательства в рассматриваемой области. Наконец, установление правовых форм реализации международно-правовых обязательств Российской Федерации в сфере охраны объектов культурного наследия, в частности внедрение уведомительных и согласительных процедур проведения строительных работ на территории вокруг объектов культурного наследия, является перспективным шагом на пути усиления режима правовой охраны культурного наследия Российской Федерации.

5. С целью приведения терминологического аппарата Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» от 25 июня 2002 г. №73-ФЗ в соответствие с общепринятыми понятиями в международном праве необходимо:

– внести изменения в ст. 34 заменив понятие «зона охраны объектов культурного наследия» на «буферная зона». Следовательно, изменить заглавие и вводную часть ст. 34 закрепив, что *буферная зона вокруг объектов культурного наследия представляет собой территорию, сопряженную с объектом культурного наследия, создаваемую с целью дополнительной охраны и обеспечения сохранности объектов культурного наследия, поддержанию целостности и подлинности объектов культурного наследия и его универсальной культурно-исторической ценности …*»

– привести в нормы Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в соответствие с установленной терминологией, заменив понятие «зона охраны» на «буферная зона».

6. Нормативное содержание пп. 3 п. 1 ст. 47.3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» указывает на наличие запрета в отношении работ, изменяющих облик, объемно-планировочные и конструктивные решения и структуры, интерьер выявленного объекта культурного наследия, объекта культурного наследия, включенного в реестр в случае, если предмет охраны объекта культурного наследия не определен. Таким образом, когда предмет охраны объекта не определен, то фактически запрещается производить работы, изменяющие объект культурного наследия, либо ухудшающие условия, необходимые для сохранности объекта культурного наследия. При этом утверждение предмета охраны происходит уже после включения данного объекта культурного наследия в Единый государственный реестр объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) народов Российской Федерации, когда производится согласование описания «особенностей объекта, являющихся основаниями для включения его в реестр и подлежащих обязательному сохранению», что и составляет предмет охраны (пп. 6 п. 2 ст. 18 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»). Это описание является элементом государственной историко-культурной экспертизы. В результате формируется ситуация, при которой наличие формальной возможности

реставрации выявленного объекта культурного наследия до момента определения предмета охраны фактически не реализуется на практике.

Для устранения возможных проблем при производстве работ на выявленном объекте культурного наследия до момента определения предмета охраны необходимо внести изменения в пп. 3 п. 1 ст. 47.3 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» запрещающие *проводить работы, изменяющие облик, объемно-планировочные и конструктивные решения и структуры, интерьер выявленного объекта культурного наследия, объекта культурного наследия, включенного в реестр (за исключением работ по реставрации, консервации и ремонту) в случае, если предмет охраны объекта культурного наследия не определен*».

7. Требования российского законодательства к возрастному ограничению объектов культурного наследия отличаются как от континентальных правовых систем, так и от стран общего права своей неоправданной императивностью. Цель такого законодательного регулирования не совсем ясна. Очевидно, что при определенных условиях и в исключительных случаях объекты, созданные не так давно, также могут нуждаться в эффективной охране путем придания им правового режима объектов культурного наследия. Для этого необходимо внесение изменения в п. 12 ст. 18 Федерального закона «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» в части установления открытого списка исключений из общего правила о 40-летнем минимальном возрасте объекта, необходимом для его включения в Реестр. Необходимо дополнить данный пункт абзацем 2 устанавливающий, что о*рган охраны объектов культурного наследия вправе принять решение о включении объектов культурного наследия в реестр без соблюдения правила о времени возникновения (дате создания) данного объекта при отсутствии достаточных оснований для точной датировки времени возникновения (дате создания), либо по иным основаниям, связанным с исключительной культурно-исторической ценностью данного объекта*».

Теоретическая и практическая значимость работы обусловлены расширением границ доктринального понимания процесса правовой инфильтрации норм международного права в области охраны объектов культурного наследия. Сформулированные выводы и предложения касательно охраны объектов культурного наследия дополняют и развивают существующие в российской науке концептуальные подходы к исследуемой проблематике, позволяют уточнить понятийный аппарат теории государства и права в избранной области изучения.

Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования отдельных его результатов в правотворческой и правореализационной деятельности государственных органов и должностных лиц. Диссертационное исследование содержит предложения по совершенствованию российского законодательства в части, касающейся охраны объектов культурного наследия.

Результаты исследования могут быть использованы при подготовке учебных и учебно-методических пособий по рассматриваемой проблематике, а также при проведении лекционных, семинарских и практических занятий по отраслевым юридическим дисциплинам: «Конституционное право», «Теория государства и права», «Административное право» и др.

Апробация и внедрение результатов исследования. Основные научные результаты исследования отражены в 6 научных статьях общим объемом 3,91 п. л., 4 из которых – в рецензируемых научных журналах из перечня, рекомендованного ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации.

Ряд аспектов работы был представлен в виде докладов и сообщений в ходе международных и всероссийских научных мероприятий. Основные результаты диссертационного исследования были представлены на международных и всероссийских научно-практических конференциях: VI Международная научно-теоретическая конференция «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития» (Рязань, 12–13 октября 2021 г.); Всероссийская научно-теоретическая конференция «Права человека в диалоге государственной власти и гражданского общества» (г. Уфа, 10 декабря 2021 г.); VII Международная научно-теоретическая конференция «Человек-природа, личность-общество, гражданин-государство в условиях информатизации и цифровизации российского общества в интересах устойчивого развития» (к 30-летнему юбилею Юридического института (Санкт-Петербург)» (10 июня 2022 г.); IX Международная научно-теоретическая конференция «Денисовские чтения» (г. Санкт-Петербург, 10 июня 2023 г.); Международной научно-практической конференции «Правовое обеспечение социальной справедливости и государственный суверенитет» (Москва, 16 февраля 2024г); I Международной научно-теоретической конференции «Человек-природа, гражданин-государство, личность-общество» (г. Санкт-Петербург, 6–7 июня 2025 г.).

Структура диссертации. Структура и объем диссертации соответствуют цели и задачам проведенного исследования. Она состоит из введения, двух глав, включающих в себя шесть параграфов, заключения, списка использованных источников и литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается выбор темы, ее актуальность, показывается степень ее разработанности, определяются цель, задачи, предмет и объект, методологическая, теоретическая основа и нормативная база исследования, его новизна, приводятся основные положения, выносимые на защиту, освещается теоретическая и научно-практическая значимость полученных результатов, апробация и структура работы.

В первой главе – «Теоретический анализ международно-правовой охраны объектов культурного наследия», состоящей из трех параграфов, сформулирована концепция культурного наследия в международно-правовой и российской юридической доктрине, показана эволюция нормативно-правового регулирования, исследована правовая инфильтрация норм права в сфере охраны объектов культурного наследия.

В первом параграфе – «***Эволюция международно-правового регулирования в области охраны объектов культурного наследия***» – анализируется доктринальная полемика по вопросу о времени возникновения международного права как особой сферы общественных отношений с участием иностранного элемента. Международное право культурного наследия, выступая в качестве отдельной отрасли международного публичного права, является относительно новым правовым явлением в области регулирования правоотношений с участие иностранных элементов.

Справедливо будет отметить первостепенный характер вопросов войны и мира для исторического развития международного права, указывающий на принципиальную значимость данной предметной области для урегулирования взаимодействия государств. На протяжении древнейших этапов развития международного права в античный и средневековый периоды вопрос о сохранности и какой-либо особой защите культурных ценностей не поднимался. Традиционно данный круг вопросов разрешался в рамках логики «права победителя», согласно которой существовало негласно признаваемое правило о том, что победившая сторона имеет право на разграбление (уничтожение), а также вывоз тех или иных предметов, представляющих материальную (реже – нематериальную) ценность с территории поверженного врага.

Сохранность объектов культурного наследия (далее за исключением наименований и текста правовых актов – ОКН) в тот период была предметом усмотрения победившей стороны, однако такая постановка вопроса указывает границы возможного регулирования данной области вплоть до начала XX столетия – они определялись вопросами войны и мира.

Правовая охрана культурного наследия была встроена в контекст права цивилизации (или культуры, «Kultur») и ее управления в международном праве. «Право победителя», дополненное логикой цивилизационного превосходства, поощряло практику захвата и перемещения ценностей как результата военных действий, о чём свидетельствует упоминаемые в труде «Право войны и мира» голландского юриста Гуго де Грота «права грабить и права разорять всё, что принадлежит врагу» и «права считать свой собственностью всё, что было отнято у врага»[7].

---

[7] Стефко М.С. Колониальное наследие французских музеев и проблема реституции: по следам дискуссии вокруг доклада Б. Савуа – Ф. Сара // Наследие и современность. – 2020. – Т. 3. – № 2. – С. 37.

Первые значимые международно-правовые действия, направленные на урегулирование отношений, связанных с культурными объектами, можно проследить до времени Французской революции 1789 года. Нарратив цивилизации стал важным фактором в попытках легитимизировать присвоение Францией культурных и художественных ценностей из разных стран, таких как: Бельгия, Нидерланды, Италия, Египет и нескольких немецких государств. Во время так называемых Коалиционных войн в юридической литературе активно эксплуатировался термин «варвары», используемый для отграничения цивилизации от завоеванных территорий. Это укрепило убежденность европейцев в превосходстве их собственной цивилизации и узаконило право на присвоение культурных ценностей. Не случайно, что Лувр был основан в это время и наполнен шедеврами из нескольких регионов мира.

Эти приобретения были основаны на суверенном праве государства-победителя, а иногда и на договорных положениях, которые были включены в соглашения о перемирии или мире. Наиболее выдающимся критиком «права цивилизации» был французский искусствовед Кватремер де Куинси (1755-1849), которого поэтому иногда называют отцом идеи всемирного наследия. Он утверждал, что публичное право Франции не должно возвращаться к временам античных римских завоеваний и их права распоряжаться наследием варварских народов. Вместо этого он подразумевал, что «цивилизованное» международное право Европы может освободить памятники и произведения искусства других стран от «прав победителя» на распоряжение ими[8].

Ранний пример национальной защиты культурного наследия относится к периоду после разграбления города Рима Наполеоном. В 1802 году булла Sulle Antiquita, e Belle Arti in Roma, e Nello Stato Ecclesiastico папы Пия VII[9], запрещала вывоз предметов, которые были перечислены, за пределы территории города Рима и Церковного государства. Более того, булла устанавливала запрет на частичное или полное разрушение античных зданий, как в Риме, так и за его пределами, независимо от того, были ли эти здания общественной собственностью или находились в частной собственности. Таким образом, данный акт объединил два основных события в области охраны наследия XIX века: заботу о сохранении памятников и исторических зданий и защиту от потенциальных угроз со стороны вооруженных конфликтов.

Венский мирный договор 1815 года закрепил политический и экономический порядок, который стимулировал бы промышленную революцию и позволил бы развивать гражданское общество. Национализм процветал, и рос интерес к материальным объектам, которые символизировали

---

[8] Spitra S.M. The Administration of Culture in International Law since the 19th Century // University of Vienna Law Review. 2021. Vol. 5. №1. P. 125.

[9] Chirografo della Santità di Nostro signore Papa Pio VII. in data del primo ottobre 1802, sulle antichità, e belle arti in Roma, e nello Stato Ecclesiastico by Catholic Church. Pope (1800-1823: Pius VII). URL: https://archive.org/details/chirografodellas00cath (дата обращения: 15.01.2023).

чувство исторического развития и давали новый взгляд на быстрое социальное развитие. В европейских странах, таких как Италия и Франция, национальные законы регулировали сохранение исторических зданий. После того, как они были экспроприированы в силу их исторической, художественной или культурной ценности, их стали классифицировать как объекты, находящиеся на попечении общества. Стоит отметить политическую роль сохранения памятников в то время, так как выбор ОКН для защиты был продиктован заинтересованностью политических элит в укреплении национальных государств того времени. XIX век стал свидетелем появления культурного наследия как символа политической власти, национального государства или конкретного сообщества. Такие художники, как Рубенс, Дюрер и Рембрандт, стали символами своих национальных государств, их памяти были посвящены статуи в период между 1840 и 1860 годами. Сохранение наследия, тем временем, было сосредоточено на сохранении национальных архивов и государственных документов.

Рассматривая точки зрения на вопрос о предметах, имеющих особый статус во время войны, исследуются идеи И.Я. Мозера (1701-1785), И.Л. Клубера, Г.Ф. фон Мартенса, Ю. Шмельцинга, чилийско-венесуэльского юриста А. Бело (1781-1865), перуано-латиноамериканского политика Х.М. де Пандо (1787–1840), введение в научный оборот термина «национальные памятники» в учебники международного права и стали рассматривали национальное наследие как суверенную основу для защиты культурных памятников во время войны. Впоследствии юристы-международники из других стран и континентов, сознательно или бессознательно, приняли эту аргументацию для обоснования особого правового статуса (У.Э. Холл, Т.А. Уокер, Ф. Либер).

Был также ряд юристов-международников, которые обсуждали универсализм произведений искусства и культурных ценностей как доктринальную причину их охраны (К. де Куинси, Ф. Заальфельд, К.С. Захария).

Еще один сдвиг произошел в последней четверти XIX века, когда произошла модификация международно-правового дискурса, которая имеет свои долгосрочные последствия до сегодняшнего дня. Вместо национальных или универсальных культурных ценностей в международно-правовые дискуссии было внесено разделение на общественную и частную собственность.

Одним из важных изменений в международных правовых дискуссиях стало введение более общей доктринальной концепции «прав, воюющих против врага». Швейцарский юрист Иоганн Каспар Блунчли (1808—1881) решил рассмотреть вопросы, касающиеся культурных объектов, в рамках концепции «права военных держав на враждебную собственность и собственность мирных граждан». Парадигматическое изменение произошло в конце XIX века, когда права и обязанности оккупанта были включены в законы войны. Упомянутая выше Брюссельская декларация 1874 года и Оксфордское руководство 1880 года[10]

[10] The Laws of War on Land. Oxford, 9 September 1880. URL: https://ihl-databases.icrc.org/ihl/INTRO/140 (дата обращения: 01.12.2022).

способствовали этому сдвигу, введя в оборот категорию «военной власти над враждебной территорией», которая несколько лет спустя была заменена в Оксфордском руководстве просто «оккупированной территорией». Этот подход вскоре был принят юристами-международниками из разных уголков земного шара.

Особый правовой статус национальных коллекций, культурных ценностей и произведений искусства был концептуализирован не только в международном праве, но и в национальных кодификациях права во второй половине XIX века. Именно в это время европейские империи были очень активны в установлении административных режимов в отношении культурных объектов в своих колониях. Колониальные правовые документы часто представляли собой смесь норм публичного и частного права, которые регулировали обращение с культурными ценностями. В британской Индии Закон о сокровищах 1878 года был направлен на то, чтобы обеспечить правовую определенность в отношении собственности на сокровища. Как уже следует из термина, слово «сокровище» относилось не к культурной, а к денежной ценности этих предметов. В то же время Археологическая служба Индии была основана для наблюдения и управления археологическими раскопками и памятниками. Как и в Индии, французский генерал-губернатор французской колонии Индокитай учредил археологическую миссию «Ecole frangaise d'Extreme-Orient» для изучения территории. В неевропейских империях, таких как Япония, использовался схожий подход в деле археологического изучения наследия колонизированных народов.

За годы, предшествовавшие Второй мировой войне, только в трех международных договорах упоминается культура как предмет международно-правового регулирования. Все три документа относятся к категории правил поведения в военное время. Это Гаагские конвенции 1899 и 1907 годов[11], которые были предшественниками Гаагской конвенции 1954 года, и Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (так называемый Пакт Рериха, названный в честь его инициатора)[12]. Кстати, термин «исторический памятник» также впервые упоминается в Пакте Рериха. Исходя из латинского слова «monumentum», памятник – это, прежде всего, что-либо долговечное, изготовленное или установленное для увековечения памяти людей или событий. С течением времени значение этого понятия расширилось и трансформировалось в общее описание совокупности накопленных материальных артефактов прошлого.

---

[11] Гаагская конвенция о законах и обычаях сухопутной войны (Вместе с «Положением о законах и обычаях сухопутной войны») (Заключена в г. Гааге 18.10.1907) // Действующее международное право. – Т. 2. – М.: Московский независимый институт международного права, 1997. – С. 575-587.

[12] Договор о защите учреждений, служащих целям науки и искусства, а также исторических памятников (Пакт Рериха) (Подписан в г. Вашингтоне 15.04.1935) // www.consultant.ru.

Поначалу в понятие памятника были включены в основном единичные сооружения, связанные с памятью или видением, особенно национальных или романтических событий, деяний или отдельных личностей.

В период между двумя мировыми войнами сфера сохранения культурного наследия в международном праве пережила первый этап институциональной интернационализации. Мандатная система Лиги Наций с ее Постоянной мандатной комиссией создала механизм мягкого контроля и подотчетности для тех государств, которые управляли соответствующими подмандатными территориями. На первый взгляд, эти юридические методы в международном праве были недостаточно эффективными, однако они привели к появлению более сложных правил администрирования для этих территорий со стороны мандатных держав. Вопросы правового регулирования и охраны природы обсуждались и привели к появлению новых документов, таких как Заключительный акт Каирской конференции 1937 года[13]. Правовой режим управления территориями со стороны мандатных держав часто описывался как отношения опеки или международного сотрудничества («Internationale Arbeitsgemeinschaft»). Обыкновенно подчеркивались культурные и цивилизационные аспекты этих отношений; однако ответственность перед народами, находящимися под мандатным правлением, категорически отвергалась большинством юристов-международников.

Однако система мандатов была не единственным средством, Международный комитет интеллектуального сотрудничества был еще одним органом, который занимался вопросами культурного наследия. После его создания в 1922 году, было предложено создать международную конвенцию, касающуюся археологических исследований и публикации их результатов.

Юридизация продолжалась и в самих колониях, культурная ценность объектов которых, на первый взгляд, не считалась значительной. Шри-Ланка, бывшая британская колония Цейлон, в 1940 году издала Ордонанс о древностях, регулирующий классификацию памятников и археологические исследования на острове[14]. В этом же году Сенарата Паранавитханаса (1896-1972) стал первым шриланкийцем, назначенным на должность директора по археологии для контроля за управлением культурным наследием острова. В других британских колониях также были приняты соответствующие акты для управления историческими памятниками этих стран.

Импульсы к юридическому оформлению охраны ОКН продвигались не только международными институтами того времени, но и самими колониальными державами. Во всех известных кодификациях межвоенного периода содержалось указание на то, что только культурно «продвинутое» государство может должным образом заботиться о памятниках в колониях.

---

[13] Spitra S.M. The Administration of Culture in International Law since the 19th Century // University of Vienna Law Review. 2021. Vol. 5. № 1. P. 134.

[14] Antiquities Ordinance, No. 9 of 1940, (23/12/1940) Ceylon Government Gazette No. 8698, 1–3.

Цивилизационный «стандарт» был легитимацией для законодательства, навязанного колониям в то время.

В диссертации анализируется процесс формирования категории «культурное наследие», которая впервые появляется после Второй мировой войны в 1954 году в Конвенции о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (далее – Гаагская конвенция 1954 г.)[15] и в том же году в Европейской культурной конвенции[16]. Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (ЮНЕСКО), признает важность культурного наследия. Устав ЮНЕСКО стремится внести вклад в обеспечение мира и безопасности во всем мире «путем обеспечения сохранения всемирного наследия книг, произведений искусства и памятников истории и науки»[17].

Конвенция ЮНЕСКО о мерах по запрещению и предотвращению незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности 1970 года[18] является первым международно-правовым документом по борьбе с незаконной торговлей культурными ценностями.

Конвенция о всемирном наследии стала флагманской программой развития международно-правового регулирования под эгидой ЮНЕСКО. История ее создания неоднозначна и иллюстрирует трансформационный потенциал международного права того времени. Нормативная необходимость в такой конвенции часто увязывается с «Нубийской кампанией» ЮНЕСКО, которая началась в 1960 году.

Международный союз охраны природы (International Union for Conservation of Nature and Natural Resources) подготовил один проект договора для Конференции ООН по окружающей среде в 1972 году, который в основном касался природного наследия. ЮНЕСКО подготовила другой проект, который в основном касался культурного наследия, но также частично затрагивал природные объекты, а США представили свой собственный проект предложения. Именно после предложений США и Великобритании ЮНЕСКО стала единственной площадкой для реализации проекта.

---

[15] Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта (Вместе с «Исполнительным регламентом...», «Резолюциями») (Заключена в г. Гааге 14.05.1954) // Ведомости ВС СССР. – 1957. – 8 февр. – № 3. – Ст. 54.

[16] Европейская культурная конвенция (Заключена в г. Париже 19.12.1954) // Сборник международных договоров СССР и Российской Федерации. – Вып. XLVII. – М., 1994. – С. 412-415.

[17] Устав Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры (Вместе с «Докладами государств – членов о мерах по выполнению ими конвенций и рекомендаций») (Принят в г. Лондоне 16.11.1945) // Свод нормативных актов ЮНЕСКО. – М.: Международные отношения, 1991. – С. 40-43.

[18] Конвенция о мерах, направленных на запрещение и предупреждение незаконного ввоза, вывоза и передачи права собственности на культурные ценности (Париж, 14 ноября 1970 г.) // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. – М., 1967. – Вып. XXIII. – С. 595.

Другие международные акты, регулирующие торговлю культурными ценностями, такие как Конвенция УНИДРУА о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях 1995 года[19], дополняют Конвенцию ЮНЕСКО 1970 года и региональные международные договоры, а именно Европейскую конвенцию об охране археологического наследия от 16 января 1992 г.[20] Представленные в указанных соглашениях методы классификации и описи культурных ценностей имеют большое практическое значение для сотрудников полиции и таможни, которые в конечном итоге должны применять эти правила при контроле за провозом ОКН.

Совет Европы, который уже в 1954 году признал общее европейское культурное наследие, и следуя траектории международно-правовой охраны данных объектов, установленной ЮНЕСКО, принял ряд конвенций по вопросам культурного наследия, в частности Европейскую конвенцию об охране археологического наследия 1969 года[21], Европейскую конвенцию о правонарушениях в отношении культурных ценностей 1985 года (еще не вступила в силу)[22], Европейская конвенция об охране архитектурного наследия Европы (Гранадская конвенция) 1985 года[23], Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (Конвенция Валлетты) 1992 года[24] и Европейская ландшафтная конвенция (Флорентийская конвенция) 2000 года[25]. Эти конвенции отчасти более детализированы, чем Конвенции ЮНЕСКО, и направлены на всестороннюю защиту европейского культурного наследия.

В диссертации исследуются потенциальные правовые основы для возвращения культурного наследия.

Во втором параграфе – «***Концепция культурного наследия в международно-правовой и российской юридической доктрине***» – рассматриваются вопросы содержания понятия «культурное наследие» (реже употребляется понятие «культурно-историческое наследие»), причины и

---

[19] Конвенция ЮНИДРУА (УНИДРУА) о похищенных или незаконно вывезенных культурных ценностях (Заключена в г. Риме 24.06.1995) // Международное частное право. – Сборник документов. –М.: Издательство БЕК, 1997.

[20] Европейская конвенция об охране археологического наследия от 16 января 1992 г. // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. – № 16. – Ст. 1812.

[21] Европейская конвенция об охране археологического наследия (Заключена в г. Лондоне 06.05.1969 г.) //Собр. постановлений Правительства СССР. – 1991. – № 4. – Ст. 8.

[22] Европейская Конвенция о правонарушениях в отношении культурных ценностей (Дельфы, 23 июня 1985 г.) (не вступила в силу) // Судебные приставы и исполнительное производство в законодательстве Российской Федерации // Сборник нормативных документов. – Т. 1. – М.: Мир безопасности, 1999.

[23] Конвенция об охране архитектурного наследия Европы от 3 октября 1985 г. // Собрание постановлений правительства СССР. – 1991. № 4. – Ст. 7.

[24] Европейская конвенция об охране археологического наследия (пересмотренная) (Валлетта, 16 января 1992 г.) // Бюллетень международных договоров. – 2013. – №3.

[25] Европейская конвенция о ландшафтах от 20 октября 2000 г. // www.consultant.ru.

факторы, препятствующие единству опыта концептуализации рассматриваемой категории. отсутствия однозначного разрешения.

В диссертации анализируются три основных подхода к пониманию культурного наследия: эссенциалистский (объектно-ориентированный подход), инструментальный и рефлексивный (критический) подходы.

Специальное внимание уделяется вопросу о содержании понятия «культурное наследия» с лингвистической точки зрения, проблемам унификации понятия культурных ценностей, соотношению понятий «культурная ценность» и «культурное наследие».

Делается вывод о том, что от чисто нормативного подхода, имеющего объективный и систематический характер (признание объекта культурным наследием зависело от его включения в список) международно-правовая практика перешла к менее ограничительному подходу, основанному на способности объекта вызывать определенные ценности, которые заставили соответствующее общество рассматривать его как часть своего наследия. Эта траектория развития также позволила признать нематериальное культурное наследие, которое долгое время игнорировалось, в качестве наследия, подлежащего охране и защите. Это признание важности нематериальной составляющей культуры можно интерпретировать как шаг в направлении преодоления европоцентристской перспективы понимания культурного наследия, признания культурного разнообразия как источника обогащения для всего человечества.

В третьем параграфе – ***«Правовая инфильтрация как форма взаимодействия международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия»*** – раскрываются сложности нормативно-правового регулирования и правоприменения в рассматриваемой сфере. Правовая инфильтрация выступает в качестве самостоятельной юридической конструкции, описывающей механизм проникновения (инвазии) элементов наднационального регулирования в национальное законодательство. Обращение к проблеме правовой инфильтрации как юридической конструкции, описывающей проникновение элементов права в национальную правовую систему, отрасли и институты права, требует предварительного рассмотрения модели соотношения международного (наднационального) и национального российского права.

Автор, опираясь на два подхода (монизм и дуализм) к регулированию взаимосвязи между внутренними (национальными) и международными правовыми нормами, исследует позиции Г. Кельзена, который считал, что внутри монистической правовой системы существуют иерархические отношения, при которых международное право превосходит внутреннее право и, таким образом, преобладает в любом конфликте между двумя законами. Дуалистическая система рассматривает международную и внутреннюю системы права как отдельные и независимые. Действительность международного права в дуалистической внутренней системе определяется нормой внутреннего права, разрешающей применение этой международной

нормы. Из-за разнообразия способов, которыми национальные системы инкорпорируют международное право, некоторые ученые предпочли термин «плюрализм» термину «дуализм».

Обосновывается идею о том, что ни одна государственная система не является строго монистической или дуалистической. Вместо этого различные институты государства могут по-разному трактовать международное право.

Ссылаясь на ч. 4 ст. 15 Конституции России, автор подчеркивает наиболее либеральное положение в отношении применения международного права в рамках национальной правовой системы среди всех бывших советских стран, когда российские судьи имели значительные возможности для обеспечения соблюдения и толкования международного права посредством своих решений по сравнению с другими судьями.

В 1997 году Конституционный Суд Российской Федерации постановил, что термин «закон» должен обозначать законы и все другие нормативные акты, однако на саму Конституцию это положение не распространяется. После постановления Конституционного суда, международные договоры Российской Федерации, которые не соответствуют Конституции Российской Федерации, не должны выполняться. Требование ратификации ограничивает круг международных договоров, обладающих преимущественной силой над внутренним законодательством. Для российской доктрины международного права очевидно, что приоритет конституционных положений над международным договором вытекает из всей структуры конституционного текста. Такая ситуация характерна для абсолютного большинства стран, за исключением Нидерландов, Бельгии и Люксембурга, конституции которых предусматривают приоритет норм международного права над национальным законодательством и над конституцией страны.

Таким образом, эволюция международно-правового регулирования в области охраны ОКН на протяжении длительного периода времени осуществлялась в рамках общепризнанного «права победителя» на присвоение культурных ценностей побежденной стороны. Европоцентрический подход к регулированию охраны культурного наследия предполагал превосходство европейских метрополий над колониальными территориями, сохранение культурного наследия которых осуществлялось в рамках интересов колониальных держав.

Понятие культурного наследия в международно-правовой и российской юридической доктрине трактуется неоднозначным образом в силу предельной общности понятия культуры как таковой, а также наличием комплекса близких по своему значению понятий культурных ценностей, ОКН, исторического наследия, памятника культуры и пр. Концептуализация культурного наследия предполагает поиск наиболее общего знаменателя для объединения в себе всех признаков, свойственных указанным выше понятий.

Правовая инфильтрация выступает в качестве самостоятельной юридической конструкции, описывающей механизм проникновения (инвазии) элементов наднационального регулирования в национальное законодательство.

Её предлагается рассматривать как совокупность международно-правовых и национальных механизмов реализации норм наднационального характера в правовой системе государства, посредством подчинения отдельных элементов национально-правового регулирования легитимному требованию международно-правового уровня.

Во второй главе – «Процесс правовой инфильтрации норм международного права в области охраны объектов культурного наследия: проблемы и перспективы» – раскрываются проблемы оптимизации российского законодательства в современных условиях с учетом международно-правового регулирования.

В первом параграфе – «***Проблемы приведения норм российского законодательства об охране культурного наследия в соответствие с положениями международного права***» – рассматриваются нормы международного права в сфере охраны ОКН, которые задают наиболее общие рамки правового регулирования, для конкретизации которых требуется разработка норм национального законодательства в соответствующей области.

В диссертации подчеркивается, что в ряде случаев опережающее развитие национального законодательства, когда соответствующие нормы права предшествуют ратификации международных соглашений, может создавать своеобразную «рассинхронизацию» между нормами международного права и национального законодательства. Исправление данной ситуации возможно только путем последовательных правотворческих усилий государственных органов по приведению норм национального законодательства в соответствие с положениями международного права.

Охрана ОКН на уровне национального законодательства осуществляется посредством применения норм права различной отраслевой принадлежности. Базовые правовые декларации, зафиксированные, как правило, на конституционном уровне, дополняют собой конвенциональные положения международных договоров и соглашений, формируя фундамент правового воздействия в соответствующей области, который должен быть конкретизирован на отраслевом уровне. Правовой режим ОКН на национальном уровне в общем виде распадается на регулятивные и охранительные нормы права. Регулятивные нормы права формируют правовой механизм надлежащего содержания и учета ОКН, в то время как охранительные нормы права определяют пределы юридической ответственности субъектов правоотношений за противоправные посягательства на ОКН.

В силу своей социальной и культурно-исторической ценности ОКН нуждаются в создании особого правового режима своей охраны, в силу чего государство предпринимает шаги по разработке законодательства, объединяющего в себе нормы публичного права различной отраслевой принадлежности.

Публичное администрирование в сфере охраны ОКН требует от государства разработки соответствующего плана управления, необходимость

которого предусмотрена, в частности, Рекомендациями об исторических городских ландшафтах, принятыми 10 ноября 2011 года на 36-й сессии Генеральной конференции ЮНЕСКО[26]. Данный руководящий документ международного уровня дополняется Принципами Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями[27].

Установление правовых основ финансирования и охраны ОКН становится предметом правотворческой работы органов федерального или регионального уровня (например, Закон Республики Татарстан от 1 апреля 2005 года № 60-ЗРТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан»[28]).

Конституционное закрепление принципа единства публичной власти в ходе реформы 2020 г. обеспечило правовую основу для выстраивания единой властной вертикали публичного управления, в структуру которой оказываются вовлечены, как органы исполнительной власти федерального и регионального уровня, так и органы местного самоуправления. Выстроенная властная вертикаль создает новые возможности для межведомственного взаимодействия звеньев государственного механизма, посредством которого осуществляется публичное управление в различных сферах, в том числе в сфере охраны ОКН. Здесь необходимо отметить, что Принципы Валетты предполагают гармоничное взаимодействие всех заинтересованных сторон в деле охраны ОКН.

Наконец, российское законодательство об охране ОКН не устанавливает в соответствии с Принципами Валетты требований к мониторингу сохранности данных объектов и требований к организации буферных зон. Стоит отметить, что ряд значимых вопросов в рассматриваемой области урегулирован на подзаконном уровне в актах национальной стандартизации. Рассматриваются положения: ГОСТ Р 56198-2014 «Мониторинг технического состояния ОКН. Недвижимые памятники. Общие требования»; ГОСТ 59124-2020[29], Федерального закона от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации»[30].

---

[26] Recommendation on the Historic Urban Landscape, adopted by the General Conference UNESCO at its 36th session. Paris, 10 November 2011. URL: http:// portal.unesco.org/en/ev.php. (дата обращения: 01.05.2023).

[27] Принципы Валлетты по сохранению и управлению историческими городами и урбанизированными территориями (Приняты 17-й Генеральной Ассамблеей ИКОМОС 28 ноября 2011 г.). URL: https://civvih.icomos.org/wp-content/uploads/2022/03/CIVVIH-Valletta-Principles-Russian_0.pdf (дата обращения: 01.05.2023).

[28] Закон Республики Татарстан от 1 апреля 2005 года № 60-ЗРТ «Об объектах культурного наследия в Республике Татарстан» // Республика Татарстан. – 2015. – 04 июля.

[29] ГОСТ Р 59124-2020 Сохранение объектов культурного наследия. Состав и содержание научно-проектной документации проекта зон охраны. Общие требования. Официальное издание. – М.: Стандартинформ, 2020.

[30] Федеральный закон от 25.06.2002 № 73-ФЗ (ред. от 14.04.2023) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета, 2002, 29 июня; 2023, 17 апреля.

Специальное внимание в диссертации уделяется охране памятников культуры в г. Санкт-Петербург, рассматривается понятие «буферная зона» и ее аналоги, особенности организации мониторинга состояния защищенности ОКН, обладающих выдающейся универсальной ценностью (находящихся под защитой ЮНЕСКО), возникновения чрезвычайных ситуаций, отсутствие в тексте Градостроительного кодекса Российской Федерации[31] указания на отдельную обязательную документацию, необходимой для строительства.

Автор отмечает некоторую двусмысленность в отношении используемой Законом № 73-ФЗ терминологии, когда речь идет об особом режиме использования земель, который упоминается в законодательном тексте непоследовательным образом, и требованиями к градостроительным регламентам и предлагает изложить заглавие и вводную часть статьи 34 Закона №73-ФЗ в следующем виде:

«*Статья 34. Буферная зона вокруг объектов культурного наследия.*

1. Буферная зона вокруг объектов культурного наследия представляет собой территорию, сопряженную с объектом культурного наследия, создаваемую с целью дополнительной охраны и обеспечения сохранности объектов культурного наследия, поддержанию целостности и подлинности объектов культурного наследия и его универсальной культурно-исторической ценности …».

Далее по тексту требуется приведение нормативного содержания Закона №73-ФЗ в соответствие вновь введенной терминологии, то есть замены понятия «зона охраны» на «буферная зона».

В диссертации анализируется правовое регулирование статуса выявленных ОКН, не включенных в реестр, то есть по отношению к которым не установлен предмет охраны и делается вывод о том, что в законодательстве сложилась ситуация, при которой наличие формальной возможности реставрации (описанное в ч. 1 ст. 45 Закона №73-ФЗ и позволяющее проводить реставрационные работы на выявленном объекте по инициативе законного владельца) выявленного ОКН до момента определения предмета охраны фактически не реализуемо на практике.

Во втором параграфе – ***«Правовая инфильтрация нормативных предписаний международного права культурного наследия в отраслевом российском законодательстве»*** – рассматривается правовой режим охраны ОКН, который устанавливается нормами различной отраслевой принадлежности, выделяются отличительные особенности процесса имплементации международного права в российское законодательство.

Основное внимание уделяется нормам административного и уголовного права. В первую очередь, административное право предполагает построение эффективной модели публичного администрирования в области охраны ОКН.

---

[31] Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004 № 190-ФЗ (ред. от 28.04.2023) // Российская газета, 2004, 30 декабря; 2023, 03 мая.

Основные социальные и культурные права отдельных лиц установлены Конституцией РФ[32], которая гласит, что каждый человек имеет право участвовать в культурной жизни, пользоваться культурными учреждениями и иметь доступ к предметам, представляющим культурную ценность. Конституция также гласит, что в целях защиты культурных ценностей могут быть введены определенные ограничения на перемещение товаров и услуг.

При любом из вышеуказанных обстоятельств, предметы, представляющие культурную ценность, запрещается продавать и вывозить из России без соблюдения следующих специальных процедур и получения специальных разрешений на вывоз.

Право собственности на предметы, представляющие культурную ценность, обычно подтверждается документальным подтверждением приобретения (например, покупкой или наследованием). Предметы культурной ценности, заявленные к вывозу или возвращению после временного вывоза, должны иметь сертификат эксперта, подтверждающий их подлинность.

В России подделка ОКН влечет за собой гражданскую, административную или уголовную ответственность в зависимости от уровня противоправности поведения нарушителя. Гражданский кодекс Российской Федерации предусматривает, что продавец обязан предоставить покупателю достоверную информацию о предмете, выставленном на продажу. Если продавец не выполняет это обязательство, покупатель имеет право требовать гражданско-правовых средств защиты.

Рассматривается перечень культурных ценностей, которые запрещено вывозить из России, процедура экспертной оценки, внесение изменений в пункт 12 статьи 18 в части установления открытого списка исключений из общего правила о 40-летнем минимальном возрасте объекта, необходимом для его включения в Реестр. Необходимо дополнить данный пункт абзацем 2 следующего содержания:

«*Орган охраны объектов культурного наследия вправе принять решение о включении объектов культурного наследия в реестр без соблюдения правила о времени возникновения (дате создания) данного объекта при отсутствии достаточных оснований для точной датировки времени возникновения (дате создания), либо по иным основаниям, связанным с исключительной культурно-исторической ценностью данного объекта*».

Возврат культурных ценностей, вывезенных в СССР в ходе Второй мировой войны, регулируется отдельным нормативным актом, называемым Федеральным законом «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в

[32] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета, 2020, 04 июля.

результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» от 15 апреля 1998 г. № 64-ФЗ[33].

В России нет специального законодательства о гарантиях против конфискации или иммунитете от конфискации. Что касается временно ввезенных предметов культурной ценности, Федеральный закон «Об экспорте и импорте предметов культурной ценности» устанавливает особые правила таможенного контроля и регистрации.

Не существует никаких специальных правил в отношении каких-либо займов, депозитов или пожертвований общественным музеям. Правила, касающиеся займов, депозитов и пожертвований, изложены в гражданском законодательстве и зависят от статуса общественного музея. Как правило, существует три легальных типа публичных музеев: автономные, бюджетные и правительственные. В частности, общественные музеи (являясь государственными учреждениями) имеют ряд ограничений в отношении своей экономической деятельности. Такие музеи не могут предоставлять и получать кредиты и займы, а также приобретать какие-либо ценные бумаги. Весь доход, полученный от сдачи в аренду недвижимого имущества, должен быть перечислен в бюджет. Автономные и бюджетные общественные музеи более независимы, поскольку в их распоряжении находятся доходы от любой прибыльной деятельности и пожертвования. Доходы, полученные от аренды недвижимого имущества, могут быть использованы только для содержания недвижимого имущества.

Рассматриваются общие правила, применимые к пожертвованиям музеям, включая частные, анализируется специальное законодательство, в частности Федеральным законом «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» от 11 августа 1995 г. № 135-ФЗ[34].

В третьем параграфе – ***«Оптимизация правового режима охраны и использования отдельных категорий объектов культурного наследия в контексте международно-правового регулирования»*** – рассматриваются проблемы охраны нематериального культурного наследия, шаги по формированию собственной нормативно-правовой базы в рассматриваемой сфере без присоединения к имеющимся международным соглашениям.

Нематериальное культурное наследие (далее - НМКН) представляет собой традиции или невещественные артефакты культуры, унаследованные от предков и переданные потомкам. К их числу следует отнести такие, как устные традиции, исполнительское искусство, социальные практики, ритуалы, праздничные мероприятия и конкретные знания, и практики, касающиеся природы и вселенной, а также знания и навыки для производства

---

[33] Федеральный закон от 15.04.1998 № 64-ФЗ (ред. от 11.06.2021) «О культурных ценностях, перемещенных в Союз ССР в результате Второй мировой войны и находящихся на территории Российской Федерации» // www.consultant.ru

[34] Федеральный закон от 11.08.1995 № 135-ФЗ (ред. от 21.11.2022) «О благотворительной деятельности и добровольчестве (волонтерстве)» // www.consultant.ru

традиционных ремесел. НМКН представляет собой тип живого наследия, которое местные сообщества создают, развивают и поддерживают, часто в ответ на условия окружающей среды политические, экономические и социальные изменения.

НМКН неразрывно связано с жизнями людей и представляет собой существенный элемент идентичности его создателей и носителей, обеспечивая им чувство принадлежности и преемственности по отношению к собственной культуре. Сохранение НМКН может способствовать культурной устойчивости, которая определяется, как способность преодолевать трудности и быстро адаптироваться к новым обстоятельствам, используя собственные традиции и культурные практики.

Разработка международно-правового режима НМКН направлено на противодействие системе, которая ранее имела тенденцию защищать только монументальное материальное культурное наследие. Охрана нематериального наследия посредством юридически обязательного документа также позволяет неевропейским странам выдвигать свое наследие на передний план. Режим нематериального наследия может способствовать достижению баланса всемирного наследия и служит противовесом доминирующему понятию материального наследия, дополняя тем самым Конвенцию 1972 г.

В диссертации анализируются конфликты и несогласованность между Конвенцией 2003 г. и другими международными нормами – как обычными, так и конвенционными, отсюда возникает общий вопрос о том, является ли международное право по своей природе фрагментированной системой, а также конкретный вопрос о том, следует ли учитывать охрану НМКН при осуществлении других режимов международного права.

Однако такая координация представляет собой не только проблему, но и возможность. Тот факт, что все международные документы в области культуры направлены на защиту различных видов наследия, может создать синергию между режимами и в идеале усилить защиту наследия. Конвергенция между международными документами в области права культурного наследия, безусловно, не является такой проблематичной, как коллизия между Конвенцией 2003 г. и другими документами международного права, такими как охватываемые соглашения под эгидой Всемирной торговой организации (далее – ВТО).

Крайний вариант аргументации в пользу нематериального наследия утверждает, что все наследие на самом деле является нематериальным, поскольку проявления наследия будут иметь смысл только в том случае, если принять во внимание конкретный контекст, в котором они были созданы. Без этого контекста культурный объект будет иметь только эстетическую ценность, на которую можно положиться, и тогда он станет скорее произведением искусства, а не проявлением культурного наследия.

Вторая причина, в большей степени связанная с внедрением этой теоретической основы в позитивную юридическую практику, по-видимому, не учитывает потенциальных проблем, связанных с дублированием правовых

режимов, и предполагает, что нынешний режим охраны нематериального наследия может «взять верх» над другими существующими режимами. Таким образом, необходимо провести границу между материальным и неосязаемым, хотя бы только для практических целей выбора режима регулирования.

Выдвигая аргумент о выборе режима, необходимо учитывать ограничения режимов, защищающих исключительно материальное наследие. Эти режимы чрезмерно фокусируются на монументальном аспекте охраняемых объектов и, таким образом, не принимают во внимание менее грандиозные или менее эстетически впечатляющие проявления наследия[35]. Возможно, это вестернизированное понимание культурного наследия, которое может помочь объяснить, почему все развивающиеся страны глобального юга первыми ратифицировали Конвенцию 2003 г.

Напряженность между «западным» и «незападным» наследием проявляется одновременно в дискуссии о «материальном» и «нематериальном» наследии с точки зрения следующего: «материальное» ассоциируется с «западом», а «неосязаемое» - с остальным миром. Критика Списка Всемирного наследия как представляющего только европейские проявления наследия жизненно важна в этом смысле. Восприятие европейского наследия подтверждается и воссоздается через Список всемирного наследия, потому что внесение в список – это процесс, в ходе которого определенные национальные нарративы и ценности становятся санкционированными. С точки зрения правовой охраны это означает исключение проявлений наследия, которые, хотя и представляют культуры и народы, не соответствуют западным представлениям о наследии и, следовательно, полностью исключены из правовой охраны.

Та же напряженность проявляется в дебатах по поводу наследия коренных и некоренных народов, вплоть до того, что наследие коренных народов также рассматривается как «незападное». Но, в контексте коренных народов дебаты приобретают новое измерение, связанное с претензиями на автономию и политической борьбой внутри западных стран. Способность коренных народов контролировать свое собственное символическое наследие важна для поддержки их культурных притязаний, которые являются основой, на которой строятся их политические притязания на автономию[36].

Когда речь заходит о коренных народах, наследие и контроль над ним по-прежнему являются прерогативой государства, что существенно ограничивает способность коренных народов контролировать свое собственное наследие. Различное восприятие определенных ценностей, важных для сохранения

---

[35] Алиева Г.В. Ключевые аспекты концептуального характера, подлежащие анализу при исследовании международно-правового режима охраны нематериального культурного наследия // Евразийский юридический журнал. – 2018. – № 5 (120). – С. 25-27.

[36] Харлампьева Н.К., Ермолина М.А. Политико-правовые принципы сохранения культурного наследия в методологии изучения Арктики // Евразийский юридический журнал. – 2022. – № 6 (169). – С. 415.

наследия, также играет свою роль. Например, в то время как в традиционном «западном» понимании права на наследие говорится о «правах», «собственности», «титуле» и «наделении правами», в исследованиях культуры коренных народов (основанных на документированном обычном праве) чаще всего говорится об «обязанностях», «полномочиях» и «привилегиях», что ставит коренные народы в совершенно иное положение, которое обычно не полностью учитывается при разработке политики в отношении охраны наследия. Однако также можно обнаружить элементы «незападного» понимания права и наследия в западных обществах и западные концепции в некоторых группах коренного населения.

Так называемый «санкционированный дискурс о наследии» играет в данном случае определенную роль и усиливает необходимость того, чтобы коренные народы могли контролировать свое собственное наследие и значения. Наследие и значения коренных народов были сконструированы государствами в рамках колониального дискурса санкционированных значений наследия, и поэтому любые притязания коренных народов на культуру, которые выходят за рамки этого санкционированного дискурса, как правило, игнорируются как неуместные или незаконные. Поскольку НМКН является ключевой формой культуры коренных народов, а культура - ключевым стратегическим инструментом для удовлетворения претензий коренных народов, международная система охраны нематериального наследия приобретает важное эмансипационное измерение[37].

Аналогичным образом, взаимосвязь между наследием и устойчивостью также оказывает определенное давление на владельцев наследия, «ориентированных на прошлое». Связь между устойчивостью и наследием, по-видимому, играет на руку одному из непреднамеренных последствий устойчивого развития. Таким образом, способность контролировать культурную самобытность и наследие — это также способность контролировать политическую идентичность и выдвигать политические требования, а также вести переговоры о том, каким образом коренные народы будут выступать на национальных, региональных и международных политических форумах. Таким образом, нематериальное наследие является инструментом расширения прав и возможностей местных сообществ, и эту особенность следует иметь в виду наряду с другими теоретическими вопросами, при рассмотрении правовых стратегий охраны НМКН.

На территории Российской Федерации проживает более 200 этнических групп, и почти 100 из них представляют местное коренное население. Каждая община имеет свой собственный язык и культуру, которые она должна представлять и защищать. Например, в настоящее время язык эвенкийского

[37] Горенкин В.А., Швецова А.В. Культурное наследие как фактор формирования национальной идентичности // Таврические студии. – 2022. – № 29. – С. 10.

народа отмечен как «находящийся под угрозой исчезновения», а местные диалекты уже, возможно, вымерли.

Местные и региональные некоммерческие организации (НКО), а также руководители местных сообществ принимают меры по защите национальных культур, а вместе с ними и устных традиций. Лидеры местного сообщества совместно с региональными правительствами создают различные программы и платформы, помогая сохранять устные традиции. Закон Республики Саха (Якутия) от 22 июля 2008 г. № 591-З N 73-IV «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)»[38] является одним из таких проектов, который можно использовать в качестве примера. Можно видеть, что, несмотря на трудности, члены сообщества и ассоциации делают все возможное для сохранения языка, внедряя новые курсы, а также пытаясь вывести новое законодательство на национальный уровень.

Для Российской Федерации значимым шагом на пути обеспечения сохранности объектов нематериального культурного наследия стала разработка и принятие Федерального закона от 20 октября 2022 г. № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации»[39].

Несмотря на принятие и правовую инфильтрацию в российское законодательство правовых норм базовых международных соглашений в области охраны культурного наследия, существуют достаточно веские основания для построения осторожной политики в выборе надлежащей модели взаимодействия международного права и национального законодательства.

В **заключении** диссертации формулируются основные выводы и обобщения, представляющие, по мнению автора, наибольший интерес, предлагаются теоретические и практические рекомендации, а также определяются некоторые актуальные направления последующих исследований данной проблемы.

Научные статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных Высшей аттестационной комиссией при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации:

1. *Явид Я.А.* Взаимодействие международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия // Теория государства и права. 2023. № 2 (31). С. 121–129. (0,6 п. л.);

2. *Явид Я.А.* Теоретико-правовое понимание концепции культурного наследия // Теория государства и права. 2023. № 3 (32). С. 209–214. (0,5 п. л.);

---

[38] Закон Республики Саха (Якутия) от 22.07.2008 591-З № 73-IV «О кочевых школах Республики Саха (Якутия)» (принят постановлением ГС (Ил Тумэн) РС(Я) от 22.07.2008 З N 74-IV) // Якутские ведомости, 2008, 16 августа.

[39] Федеральный закон от 20.10.2022 № 402-ФЗ «О нематериальном этнокультурном достоянии Российской Федерации» // Российская газета, 2022, 24 октября.

3. *Явид Я.А.* Имплементация как форма правовой инфильтрации норм международного права об охране объектов культурного наследия // Теория государства и права. 2024. № 2 (36). С. 242–250 (0,65 п. л.).

4. *Явид Я.*А. Понятие подлинности объектов культурного наследия в международном и российском праве: комплексный юридический анализ // «Местное право» – научно-практический журнал муниципальной науки, местного самоуправления и муниципального права. 2025. № 3. С. 92–96 (0,46 п. л.)

Статьи в иных изданиях:

5. *Явид Я.А.* Увидим ли святыни православные? // Заботкин Г.А., Юдин В.И., Явид Я.А. // Юридическая мысль. 2024. № 4 (132). С. 109–113 (0.4 п. л.).

6. *Явид Я.А*. Правовая инфильтрация международного права и национального законодательства в области охраны объектов культурного наследия // Вестник общественной научно-исследовательской лаборатории «Взаимодействие уголовно-исполнительной системы с институтами гражданского общества: историко-правовые и теоретико-методологические аспекты». 2024. № 36. С. 134–142. (1,3 п. л.)